

Евроатлантический альянс все ближе к границам России

но немного — суверенное сдерживание, прямое и не прямое; региональная поддержка «доверенными полусуверенными» — да прямое устранение суверенными репрессалиями, также прямыми (либо замаскированными под «международные»).

Сдерживание суверенно, без взламывания суверенитета других. Оно безразлично к мечтам политически перестроить противника. Сдерживание разворачивает страну к собственным проблемам от соблазна слишком увлекаться чужими. Сдерживание поощряет нацию заниматься своими делами,

отваживая ее от попыток жить «за других».

Россия не имеет доктрины, которую можно — пусть и не соглашаясь с ней — как-либо назвать вслух. У нас нет никакой концепции безопасности. Без концепции безопасности провисает и *безопасность как ценность*, о чем напомнил Модест Колеров. Спор о суверенитете в Москве до 8 августа оставался неполитической тенью о вкусах, чем-то из политической филологии. Только поэтому суверенитет долго считали русской причудой, риторическим «пункти-

ком» — пока осетинская война не выправила положение. (Хотя война с Грузией стала необходима вследствие неудачи конкретной политики сдерживания Грузии и США на Кавказе. Эта неудача еще ждет разбора.) Теперь Россию считают «опасно чокнутой», что временно гарантирует осторожность Европы и США в обращении с нами. У России появились время и шанс заново рассмотреть для себя сдерживание и другие стратегические ресурсы суверенитета. Будет катастрофой, если шанс разменяют на «кочек евроатлантизма». ■

НАТО НЕ ПОЙДЕТ НА САМОРАЗРУШЕНИЕ РАДИ КЛОЧКА БУМАГИ

АЙРА СТРАУС — основатель и координатор с американской стороны общественной организации "Комитет по связям стран Восточной Европы и России с НАТО" (CEERN) Специально для РЖ

Конечно, для российского лидера это правильно — говорить, что он хочет видеть несколько измененный атлантизм, включающий Россию, а не такой атлантизм, который Россию исключает. Когда Президент Медведев говорит, что нужно «новое», нужен «евро-атлантизм» вместо существующего атлантизма, он опять же возвращается к языку эпохи Горбачева. В эпоху Горбачева это был огромный шаг вперед, но язык формулировок неизбежно вызывал подозрения, что цель — уничтожение серьезного существовавшего атлантизма и замена его клочком бумаги. Возврат к этому сегодня означает возрождение подозрений безо всякой выгоды.

Россия не может присоединиться к Европе, то есть к Европейскому союзу, потому что он слишком мал для

России. Россия может присоединиться только к большей — трансатлантической — Европе. Россия неоднократно это познавала на собственном опыте с 1991 года. Почему теперь надо об этом забывать и возвращаться к доминированию языка европеизма?

Насколько новым должен быть преобразованный атлантизм? Он должен сохранить все существенное, что было создано за сто лет атлантизма; если от этого отказаться, то получится не лучше, чем если начинать на пустом месте. Вот почему необходимо видеть столетнюю историю развития атлантизма с множеством его этапов (восстановление дипломатических отношений, альянсы времен мировой войны и чрезвычайные институты, дальнейшая институционализация во время холодной войны). Тогда станет ясно, что пересмотр атлантизма применим не ко всем аспектам. Вместо этого лучше рассматривать его как «второе издание» НАТО, приняв во внимание, что первое издание включало холодную войну и самые корни альянса. Но это значит, что такое «второе издание», которое включало бы Россию, будет выглядеть как простое и полное отрицание корней альянса. Это также значит, что соглашение на этот счет достигнуто не будет, потому что НАТО не пойдет на саморазрушение ради клочка бумаги. ■

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ